

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

DOI: 10.19110/1998-619X-2019-3-13-28

УДК 001.32:81(092)(571.56)"18/19"

Э.К. Пекарский: миф и реальность

Щербакова Т.А.¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы биографии известного ученого филолога, этнографа, фольклориста Э.К. Пекарского. Используя различные литературные и архивные источники, автор дает современную интерпретацию некоторых искаженных фактов биографии ученого. Актуализируется проблема создания полной научной биографии Почетного члена Академии наук СССР Эдуарда Карловича Пекарского (1858-1934).

Ключевые слова: Эдуард Карлович Пекарский, биография, Алексей Елисеевич Кулаковский, Словарь якутского языка, народ саха.

E.K. Pekarsky: myth and reality

Shcherbakova T.A.¹

Abstract. The article examines the biography of the famous scientist philologist, ethnographer, folklorist E.K. Pekarsky. Using various literary and archival sources, the author gives a modern interpretation of some distorted facts of the biography of the scientist. The problem of creating a complete scientific biography of the Honorary Member of the USSR Academy of Sciences Eduard Karlovich Pekarsky (1858-1934) is being actualized.

Keywords: Eduard Karlovich Pekarsky, biography, Alexey Eliseevich Kulakovskiy, Dictionary of the Yakut language, Sakha people.

¹*Щербакова (Кугаевская) Татьяна Андреевна, кандидат педагогических наук, доцент. г. Горно-Алтайск, Российская Федерация.*

Shcherbakova Tat'iana Andreevna. Candidate of Science (Pedagogical), Associate Professor. Gorno-Altaysk, Russian Federation.

E-mail: ta.kug@mail.ru

© **Т.А. Щербакова**

О Почётном академике Российской Академии наук, создателе «Словаря якутского языка» Эдуарде Карловиче Пекарском написано немало. Библиография публикаций о нём и о его трудах насчитывает свыше ста названий. Это очерки, статьи, книги российских ученых М.К. Азадовского, С.Ф. Ольденбурга, В.В. Радлова, С.Е. Малова; якутских учёных Л.Н. Харитоновна, И.В. Пухова, К.И. Горохова, П.А. Слепцова, Е.И. Оконешникова; польских ученых В. Котвича, В. Армона, С. Калужинского, А. Кучиньского; белорусского историка В.П. Грицкевича и многих других авторов. В их работах дана оценка выдающихся заслуг Э.К. Пекарского перед российской и мировой наукой, рассмотрены и проанализированы его труды в области якутского языка, фольклора, этнографии.

Однако практически никто из исследователей не ставил задачу создания полной научной биографии Э.К. Пекарского, хотя с момента его кончины прошло без малого 85 лет. Профессор Е.И. Оконешников в монографии «Э.К. Пекарский как лексикограф» (Новосибирск, 1982) и в книге «Якутский феномен Э.К. Пекарского» (Якутск, 2008) предпринял попытку более целостного воссоздания жизни и деятельности создателя «Словаря». Но собственно биографии Пекарского в указанных работах Е.И. Оконешникова уделено чуть более 30 страниц, остальное место, в соответствии с замыслом исследователя, занимает анализ трудов учёного.

Отсутствие полной, достаточно исчерпывающей биографии даёт основание для искажений и произвольных истолкований фактов жизни Эдуарда Карловича. Анализ

отдельных публикаций о нём выявляет наличие многочисленных неточностей, фактических ошибок. Вокруг его имени рождаются мифы, ему приписываются мысли, которых он никогда не имел, и слова, которые не произносил.

Причина этого в основном кроется в недостаточном знакомстве авторов с архивными источниками, в поверхностном их изучении, а также в пристрастном отношении к личности Пекарского.

Главным мифом о нём является мысль о том, что Пекарский якобы поддерживал колонизаторскую политику русского царизма в начале XX столетия. Создателем этого мифа, как ни странно, явился А.Е. Кулаковский. Как известно, весной 1912 г. в Качикатцах он написал послание «Якутской интеллигенции», в котором выразил свою обеспокоенность судьбой якутского народа в связи с переселенческой политикой царского правительства. На первых страницах своего послания, обвинив Пекарского в поддержке этой политики, Кулаковский дал крайне отрицательную, уничижительную характеристику его личности и предсказал бесславную судьбу его труду – «Словарю якутского языка».

Полагая, что читатели знакомы с полным текстом послания А.Е. Кулаковского, приведём отрывки, касающиеся Пекарского (орфография и синтаксис цитируемых документов здесь и далее сохраняются согласно оригиналу):

«...один субъект, слывающий знатоком Якутской области и ея аборигенов и кичащийся этим, высказал, как авторитет, мысль, сумасбродную для нас, но целесообразную для слушателей, - мысль, что якутский народ следует поселить у северного моря, а их заменить переселенцами. Некоторым из Вас, мож. б., проэкт покажется странным, но г.г. нучаларам он показался идеальным; что же, они правы со своей точки зрения: земля переселенцам необходима; послать их к морю – перемёрзнут; жить им совместно с якутами – не хватает земли; а если, вместо них, отправить на север якутов, они выживут, ибо, как только-что высказался компетентный оратор, они привыкли к климату, т.е. холоду и природе. Тогда за чем же дело стало, -знать якутишек, да и всё тут!..

Мож.б., интересуетесь личностью оратора того, знающего так коротко о нас. Как назло опять позабыл его фамилию; но, когда опишу, узнаете сами.

Гостил он у нас долго: приехал вертлявеньким, поджареньким, молоденьким, а уехал стареньким, ехидненьким. Сотрапезничал он с нами десятки лет, похваливая наши «тар», «ёрэ» и «бутугас». Хвалил он и любил и нашу девицу-красавицу (ныне покойницу), с которой он коротал долгие зимние вечера под музыкой северной выюги... Будучи молод и полон жизненных потребностей, он увлекался дикаркой и сильно обезкураживался, когда она не понимала его мыслей и ...желаний, а он – ея. Во 1-х, - поэтому, во 2-х, от нечего делать, - он стал записывать лепет подруги и учить её своему языку. Но так-как сам всецело подпал под ея обаятельную власть, то не смог её научить своему языку, наоборот, - сам научился хорошо разговорному и любовному языку якутов, которого сделал своим коньком и на котором сначала поехал в Питер, а теперь едет по пути славы и великих почестей.

*И вот сей господин попал случайно раз
В среду мужей учёных,
Не испытанных севера ни игр суровых,
Ни моря Льдистаго проказ.
Чтоб доказать патриотизма глубину,
Чтоб показать умишка ширину,
Сказал герой такое слово,
Слыхать не приходилось мне какого:
«Якут-пигмей привычен к холоду морей,
Ему приятен край, где властвует Борей.
Зачем их нам не гнать в страну,
Какая им по сердцу и нутру?
А прежни пашни их и избы,
То, чем лежать им, гнить без пользы,
Да достаются детям нашим, как надел,
Чтоб, уходя, народ вздыхать о них не смел...».
И труженик смешон мне кропотливый сей:
Плоды трудов* своих кровавых,
Над чем кряхтел от юности своей,
Продать решил за миг один похвал неправых!
Частенько хоть, тайком во тьме ночной,
Скорбить он будет думой и душой,
Но труд его погибнет так безславно,
Ничей не радуя и взор,
А Эсперанто, Воляпюк, Липтэй вздохнут злорадно;*

Заслужит—же он лишь обиженный укор...»

**Як.- русс. словарь*

Несколькими абзацами позже Кулаковский прямо называет фамилию Пекарского: *«Перейти, что-ли, согласно проекту Пекарского, на Север? Нет, и этот № плох: на севере нет земель, на которых мы могли бы существовать – там мы погибнем очень скоро и перейдем туда не по своей воле...»* [Цитирую по: 1].

У читателей, которые знакомы с биографией Э.К. Пекарского, возникают закономерные вопросы: «Неужели это правда? Действительно ли у Пекарского был такой проект? Как мог последовательный революционер, борец за социальную справедливость, друг и защитник якутов, «переметнуться» на сторону царского правительства? И что послужило причиной такого отношения А.Е. Кулаковского к Э.К. Пекарскому?»

Попробуем разобраться.

В 1910 г. на заседании Русского географического общества Эдуард Карлович выступил с докладом «О расселении якутов по Якутской области», в котором сообщил о естественном историческом заселении якутами территорий их постоянного проживания.

Вскоре после этого в журнале «Сибирские вопросы» появляется заметка анонимного автора «Два доклада об Якутской области», в которой Пекарскому приписывается тенденциозность, сказывающаяся *«в самой мысли расселения, т.-е. удаления с искони насиженных мест, ... на север, к вечным льдам, ...на вечную мерзлоту... Конечно, расселение выгодно с точки зрения современной политики: освободившиеся угодья можно пустить под колонизацию, о которой так усердно хлопочет окраинная администрация. Якуты такие энергичные, богатые инициативой и самостоятельностью и вдруг сидят по своим долинам, водят скот, да бабятя! Надо не дать погибнуть этим ценным качествам инородца, необходимо использовать их путём приложения в борьбе с холодом, льдами, полуголодной жизнью...»* [2].

Аноним, скорее всего, не присутствовал на докладе Пекарского, а сформулировал свои мысли только на основании его заглавия, истолковав его в форме императива: «Расселить!»

Через неделю после публикации этой заметки, уже в следующем номере «Сибирских вопросов», Э.К. Пекарский выступил с опровержением под названием «Письмо в редакцию». Ввиду того, что ответ Пекарского мало известен читателям, приводим его в полном объеме:

«В № 42-43 «Сибирских Вопросов», в анонимной статье «Два доклада об Якутской области» отведена страничка моему докладу в Географическом обществе на тему «о расселении якутов по Якутской области», при чем приписана ему такая «тенденциозность», против которой я вынужден горячо протестовать.

«Тенденциозность,- говорится в статье,- сказывается в самой мысли расселения, т.е. удаления с искони насиженных мест, с богатых пастбищ, из районов с более мягкими климатическими и почвенными условиями на север, к вечным льдам, на промыслы, полные риска, но бедные добычей, на вечную мерзлоту с жалкой растительностью». И далее речь ведётся в таком же тоне и в таких выражениях, как если бы я, действительно, развивал в докладе чудовищную мысль о принудительном расселении якутов, что-де «выгодно с точки зрения современной политики», и о необходимости «заставить» их расселиться, «раз это энергичное племя само почему-то не стремится на север Якутии» [3].

*Сомнительно, чтобы кто-либо из присутствовавших на докладе, среди которых были также и якуты, усмотрел в нем подобного рода «тенденциозность». Для того чтобы выудить из моего доклада мысль насильственного расселения якутов, **надо было не присутствовать на самом докладе, или не слышать его, или просто не понимать того, что слышишь** (выделено нами – Т.Щ.). Вероятнее всего, что автор статьи построил все свои соображения на основании неправильно истолкованного им заглавия моего доклада, предположив, что темою его был вопрос о том, как расселять якутов, между тем как в нем говорилось о том, как расселялись и расселяются якуты сами. Основываясь на приводимых Серошевским в его книге «Якуты» данных и иллюстрируя их якутскими преданиями, я вкратце изложил исторический ход естественного расселения якутов по области под влиянием разных экономических факторов и, в заключение, указал на замечавшееся издавна стремление якутов заселять, колонизовать окраинные части области,*

даже уходить за ея пределы, распространяя всюду свою собственную культуру. Таким образом, якуты значительно облегчают доступ на окраины и русскому элементу, расчищая путь для будущей русской колонизации этих окраин.

Более мною ничего не было сказано, сказанное же было отмечено газетами «Речь» и «Современное слово» и другими. Замечательно, что ни одна из газет, давших отзыв о моем докладе (даже «Новое время» и «Правит. Вестник»), не сделала из него того вывода, какой позволил себе сделать автор указанной заметки, оказавшийся в данном случае слишком уж проницательным чтецом чужих мыслей.

Повторяю, что я горячо протестую против приписываемой мне, выражаясь мягко, «тенденциозности».

Эд. Пекарский.

Профессор Е.И. Оконешников, проанализировав содержательную часть и стиль анонимной заметки «Два доклада об Якутской области», считает её автором именно А.Е. Кулаковского [4, С. 100–103]. Нам представляется, что это утверждение нуждается в дополнительных доказательствах.

По мнению известного писателя Н.М. Коняева, автора биографии А.Е. Кулаковского, Алексей Елисеевич мог увидеть анонимное письмо в редакцию в старых номерах «Сибирских вопросов» за 1910 г. [5, С. 116]. Этот факт, а также информация о проекте выделения Пекарскому из государственной казны 10 тысяч рублей на осуществление выпусков «Словаря» [6], по выражению Н.М. Коняева, буквально «воспламенили» Кулаковского [5, С. 119, 138]. На этом якобы основании он и разразился убийственной критикой в адрес личности автора «Словаря якутского языка». Однако, отмечает биограф, «Кулаковский попал тут впросак, как это зачастую случается с людьми, лишенными возможности постоянно следить за периодикой. Он не знал, что уже в следующем номере «Сибирских вопросов» (№44 за 1910 г.) Э.К. Пекарский выступил с опровержением анонимной информации, назвав приписываемую ему мысль «чудовищной», и объяснил, что он на самом деле говорил об историческом ходе естественного расселения якутов по области» [5, С. 119].

Считаем, что помимо этого присутствовал и личный мотив – ревностное отношение поэта к научным успехам Пекарского. Как пишет Коняев, то обстоятельство, что пальма

первенства в создании словаря родного для Кулаковского языка принадлежит человеку со стороны, да ещё поддерживаемому государством материально, - вызывала у Кулаковского бурю эмоций [5, С. 138].

Итак, приходим к выводу, что никакого «проекта» Пекарского в природе не существовало и никогда Эдуард Карлович не предлагал переселять якутов куда бы то ни было. Напротив, постоянно поднимал вопрос о землепользовании в Якутской области, всегда и неизменно защищая законные права коренного населения. Об этом подробно говорится в работах В. Армона [7], Е.И. Оконешникова [4, С. 15, 53–54], И.А. Ласкова [8]. Думается, что отношение Пекарского к земельному вопросу в Якутии могло бы стать предметом специального, более тщательного исследования.

Ознакомился ли всё же А.Е. Кулаковский с содержанием «Письма в редакцию» Э.К. Пекарского? Допускаем, что да. Иначе почему **ровно через полгода, в том же 1912 году, его отношение к Пекарскому меняется на диаметрально противоположное?**

18 ноября 1912 г. Кулаковский пишет Пекарскому письмо личного характера. В нем он описывает положение дел в области, основные перемены, произошедшие в Якутске после отъезда Эдуарда Карловича в Петербург в 1905 г., и обстоятельства своей личной жизни. Далее переходит к безудержному восхвалению как самого Пекарского, так и его трудов: *«(...) Читал все сказки, выпущенные под Вашей редакцией. Увлекался в свое время первыми выпусками Вашего Словаря, от которого прихожу в восторг.*

Ваши два выпуска намного подняли мои познания. С нетерпением жду последующих выпусков и молю судьбу, чтобы она продлила Вашу дорогую для нас жизнь и чтобы тем она дала Вам возможность доиздать весь ваш материал.

Я не понимаю, чтобы мог существовать человек, у которого хватило бы энергии и времени и трудоспособности на выполнение дела, - дела долговременного, трудного, кропотливого, скучного и чуждого автору по природе!

Не могу, дорогой Эдуард Карлович, удержаться, чтобы не высказать Вам 2-3 слова своего мнения о значении Ваших трудов для нас – якутов. В судьбе несчастной якутской народности Вы сыграли важную роль: 1) Вы довели до сведения ученого мира данные о такой ничтожной

народности, каковой является якутская, заброшенная куда-то к берегам полярных морей; 2) у нас не было литературы, а Ваш Словарь должен послужить краеугольным камнем для её создания; 3) прямой и практический смысл Словаря понятен каждому.

Вы поистине заслуживаете названия «отца якутской литературы»: без Вас не нашлось бы лица, у которого хватило бы дерзости принять на себя такой колоссальный труд, как Ваш Словарь» ... [Цитирую по: 9, С. 81–82] (Оригинал письма хранится в С.-Петербургском филиале Архива РАН [10]).

Давайте, уважаемый читатель, попытаемся разгадать эту загадку – что же заставило А.Е. Кулаковского «сменить гнев на милость» и рассыпаться в комплиментах перед Пекарским?

Во-первых, как уже было сказано, Кулаковский всё же мог познакомиться с опровержением Пекарского «Письмо в редакцию» в 44-м номере «Сибирских вопросов» за 1910 г. *«Прогрессивные «Сибирские вопросы» в Якутске были журналом очень популярным, его читала вся интеллигенция, о чем свидетельствуют письма якутян в журнал», - пишет И.А. Ласков [8]. Наверняка, его выписывал и С.П. Барашков, один из прогрессивных деятелей Якутской области начала XX в., владелец образцового хозяйства в Качикатцах. У него А.Е. Кулаковский жил два года в качестве домашнего учителя. Именно в библиотеке С.П. Барашкова поэт мог обнаружить номера «Сибирских вопросов».*

Во-вторых, среди лиц, кому было передано послание «Якутской интеллигенции» и кто вообще его читал, было немало друзей и приятелей Эдуарда Карловича, хорошо его знавших и ценивших (В.В. Никифоров, П.Н. Сокольников, также жители Батурусского улуса), которые могли не согласиться с несправедливой оценкой личности Пекарского и его трудов. Возможно, кто-то из них посоветовал А.Е. Кулаковскому исправить создавшуюся ситуацию.

Н.М. Коняев и И.А. Ласков называют еще одну причину резкого изменения мнения Кулаковского: письмо Пекарскому от 18 ноября 1912 г. было написано ради двух просьб, изложенных в конце [5, С. 140; 8]. Первая из них – это просьба помочь с печатанием в Петербурге собранных им образцов якутского народного творчества и собственных сочинений. Вторая

касается предложения взять его в помощники по созданию «Словаря якутского языка»:

«Имею до Вас дело и просьбу, дело не одно, а целых два.

И я желаю привнести посильную лепту на дело увеличения родной литературы. Я обращаюсь именно к Вам по той простой причине, что надеюсь встретить в Вас сочувствие моему делу, однородному с тем, на которое Вы посвятили половину своей жизни. Я желаю печатать в виде брошюр собранные мною материалы и свои произведения на якутском языке. Не имею своих средств на печатание. Будучи бедняком (чего не утаю от Вас), я естественно желаю добиться некоторой материальной поддержки изданием своих трудов. Поэтому прошу Вашего совета – как быть и Вашего посредничества, если нужно будет обратиться к Русскому географическому обществу, или Радлову, или в Академию Наук. Надеюсь, что Ваша рекомендация будет иметь вес там большой. Поэтому прошу войти за меня в переговоры. Мне нужно, чтобы мои работы напечатались там и чтобы мне были предоставлены экземпляры. Могу просто продать. Я абсолютно не знаю прав и правил изданий сочинений. Привожу краткий перечень собранного мною народного творчества и некоторых собственных произведений...

(...) Вторая моя просьба такого рода: не примете ли меня к себе, чтобы я работал по изданию Словаря под Вашим руководством. Если мы сообща кончим издание в 2 года, то Академия неужели не выдаст целиком назначенные Вам 10.000 рб? Я думаю, что Вам Словарь надоел ужасно. Скорее бы отвязались. Честь составления Словаря все равно не убавится. Могу к Вам явиться летом 1913 г...

(...) Мой адрес: Вилуйское городское училище, Кулаковскому»

18 ноября 1912 г.

Слуга Алексей Елисейев Кулаковский» [9, С. 82–83].

Выходит, что Кулаковский просит о посредничестве и принятии в сотрудники, того, кого ещё полгода назад буквально «сравнил с землёй». И ни слова о простом извинении за несправедное обвинение: мол, прости, Эдуард Карлович, ошибка вышла, виноват.

Эдуард Карлович это письмо Алексея Елисеевича получил и ответил на него, о чем свидетельствует его пометка в углу первой страницы: «Отвечено 27 апреля 1913 г.». По странным обстоятельствам, этот ответ Пекарского до настоящего времени не обнаружен, и мы не имеем возможности узнать, как же он отреагировал на письмо Кулаковского. Скорее всего, поблагодарил за высокую оценку его труда и объяснил, что выделяемые из государственной казны средства предназначены не на личные расходы автора, а на осуществление выпусков Словаря. Возможно, среагировал на характеристику Кулаковским народа саха в письме: **«о такой ничтожной народности, каковой является якутская»**. Эдуард Карлович так не считал: жизнь среди якутов в течение почти четверти века, тесное общение и дружеские отношения с ними, работа над «Словарем» и образцами народного творчества якутов убедили его в том, что якутский язык чрезвычайно богат, образен, неисчерпаем, как море, а такой язык не мог быть дан «ничтожному» народу. Да и можно ли вообще к какому бы то ни было народу приложить это определение – ничтожный?

Знал ли Пекарский о послании «Якутской интеллигенции»? Исследователи считают, что знал: ведь у него в Якутии осталось немало друзей и искренних доброжелателей, с которыми он поддерживал отношения и переписку, живя в Петербурге. Но он великодушно простил своего оппонента и впоследствии высоко отзывался о работах Алексея Елисеевича, сожалел о его раннем уходе.

Казалось бы, инцидент исчерпан. Письмо А. Кулаковского от 18 ноября 1912 г. – это своеобразная реабилитация Пекарского после предъявленного ему необоснованного обвинения. Хотя и косвенно, поэт признал свою оплошность. Хотелось бы думать, что в душе А.Е. Кулаковского в течение полугода действительно произошёл переворот, что он не кривит душой и даёт в письме объективную оценку личности и труду учёного.

Но история имеет печальное продолжение, уже без участия в нём Кулаковского и Пекарского. Рукописное послание «Якутской интеллигенции» имело какое-то время хождение в народе, потом один из экземпляров надолго оказался в архиве. В 1942 году его в партийном архиве ЯАССР обнаружил проф. Г.П. Башарин, а в 1944 г. вышла в печати книга «Три первых якутских реалиста-просветителя», в которой уважаемый

профессор с новой силой осуществил нападки на Э.К. Пекарского, ориентируясь на послание Кулаковского. Причём без каких-либо ссылок на источники ученый-историк обвинил автора «Словаря» в поддержке колонизаторской политики царского правительства. Сознательно он это сделал или по незнанию, так же «попав впросак», как и Кулаковский? Указанная книга Г.П. Башарина в 1950-е годы была запрещена и была переиздана в 1994 г. [11].

Начиная с 1990 г., с эпохи «гласности», когда появился свободный доступ ко многим архивным документам, послание «Якутской интеллигенции» было опубликовано неоднократно: в 1990 г. с предисловием Ф.Г.Сафронова и С.И. Николаева [12]; в 1992 г. в книжном варианте с предисловием Г.П. Башарина [13]; далее в 2000, 2002 гг., но ни в одной из публикаций не просматривается даже попытки открыть правду в отношении Пекарского.

В 2012 г. в Якутске был осуществлён юбилейный выпуск послания в подарочном исполнении, на пяти языках: русском, якутском, английском, французском и немецком. Весь негатив, обрушенный автором на Э.К. Пекарского, «добросовестно» переведен на эти языки. Авторы вступительной статьи к этому выпуску – Л.Р. Кулаковская (биограф и внучка поэта) и профессор В.Н. Иванов - дают свой комментарий к взаимоотношениям Кулаковского и Пекарского, но комментарий тенденциозный и лукавый: Кулаковский, мол, был в неведении, не знал позиции Пекарского по земельному вопросу, не читал его статей и опровержения, позднее он оценил Пекарского (**отметим еще раз, что это «позднее» произошло через полгода, в том же 1912 г. – Т.Щ.**), а Пекарский, хотя и имел последовательную позицию по земельному вопросу у якутов, все равно виноват, потому что косвенно поддерживал переселенческую политику правительства, о чём в завуалированной форме говорит название его доклада [14].

Ну, что тут сказать в ответ? Остаётся только развести руками и вспомнить поговорку: «Эта песня хороша – начинай сначала».

Надо отметить, что дискредитация Э.К. Пекарского становится уже заметной тенденцией. Всё реже упоминаются его заслуги перед якутским языкознанием и культурой, в Республике Саха нет ни памятника, ни мемориальной доски в его честь, в Якутске только небольшая улица на окраине города

и памятный камень, поставленный поляками, – вот всё, что сохраняет в сознании жителей и гостей столицы его имя. В последние годы послание «Якутской интеллигенции» если и появляется в печати, то опять без каких-либо комментариев по поводу Пекарского. В частности, одна из последних таких публикаций осуществлена в нескольких номерах республиканской газеты «Саха Сирэ» в текущем 2019 г. [15].

Нападки на Э.К. Пекарского проникают уже и в художественную литературу. Писатель Илья Колосов в историческом романе «Чымаан Дьыллар Чыгданнарын Ортотунан» вкладывает в уста одного из персонажей – бывшего губернатора Якутской области В.Н. Светлицкого, якобы встретившегося с якутской делегацией в 1913 г. в Санкт-Петербурге накануне празднования 300-летия Дома Романовых, следующие слова: *«... В бытность работы губернатором я сделал непоправимую ошибку – приблизил к работе по земельным вопросам господина Пекарского Эдуарда Карловича, который здесь – в столице – ратовал за переселение безземельных крестьян в Якутскую область. Я не знал, оказывается, истинные его намерения»* [16]. Вот и И. Колосов, взяв за основу послание «Якутской интеллигенции», не выявив фактического положения дела, приписывает В.Н. Светлицкому слова, которые тот, вероятнее всего, никогда не произносил. Писатель имеет право на художественный вымысел, но этот вымысел не должен противоречить исторической правде.

В народное сознание, и прежде всего молодого поколения, посредством безответственных публикаций внедряется мысль о Пекарском как о корыстном человеке, фактически как о враге, желавшем якутскому народу худшей доли. Как это далеко от истины!

Подводя итоги вышесказанному, сделаем несколько выводов.

1. Хотелось бы напомнить всем пишущим (учёным, писателям, журналистам) об огромной ответственности, которую они возлагают на себя, берясь за ту или иную тему. Попытки исказить историю в угоду сиюминутной конъюнктуре, создать другую, удобную для кого-то историческую действительность, никогда к добру и истине не приводят. Ложная информация к

тому же формирует негативный межнациональный фон, ведёт к разобщению, а не к объединению народов.

2. Справедливости ради последующие публикации послания «Якутской интеллигенции» А.Е. Кулаковского необходимо снабжать честным и беспристрастным комментарием в отношении Пекарского и параллельно с посланием печатать текст письма А. Кулаковского Э. Пекарскому от 18 ноября 1912 г. Тогда читатель будет вправе сам судить о том, кто прав, кто виноват. Публикация же послания в том виде, как оно есть, без пояснений, не только дискредитирует Э.К. Пекарского, но и унижает А.Е. Кулаковского, показывая его в самом невыгодном свете, как клеветника.

3. Настало время создания полной, выверенной с точки зрения историковедения, научной биографии Эдуарда Карловича Пекарского, в которой будут объективно отражены факты жизни и деятельности великого человека и учёного и на которую будут опираться последующие поколения исследователей.

Список литературы и источников

1. Кулаковский А. Якутской интеллигенции // Полярная звезда. №5. 1990. С. 89–107.
2. Сибирские вопросы. №№ 42–43 от 24 ноября 1910 г. С. 65.
3. Сибирские вопросы. № 44 от 30 ноября 1910 г. С. 49–50.
4. Оконешников Е.И. Якутский феномен Э.К. Пекарского. Якутск, 2008.
5. Коняев Н.А. А.Е. Кулаковский. М.: Молодая гвардия, 2011.
6. Сибирские вопросы. №№ 14–15 от 28 апреля 1910 г. С. 92
7. Армон В. Польские исследователи культуры якутов. М.: Маик «Наука/Интерпериодика», 2001. С. 101–102.
8. Ласков И.А. За что А. Кулаковский навёл напраслину на Э. Пекарского? // Полымя. №12. 1989. С.198–206. (На белорусс. яз. Перевод на русс. яз. А. Барковского). «МК» в Якутии, № 26, 25.06.03 г. – 02.07.03 г.

9. Емельянов Н.В. Письмо А.Е. Кулаковского к Э.К. Пекарскому. К 85-летию со дня рождения А.Е.Кулаковского. Якутск, 1964.
10. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 202. Оп. 2. Д. 242. Л. 1–7.
11. Башарин Г.П. Три якутских реалиста-просветителя. Воспроизв. изд-е 1944 г. Предисловие И. Спиридонова. Якутск, 1994. С. 38.
12. Полярная звезда. № 5. 1990. С. 89–107. Предисловие Ф.Г. Сафронова, С.И. Николаева.
13. Кулаковский А. Якутской интеллигенции. Предисловие Г.П. Башарина. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1992.
14. Кулаковский А.Е. Якутской интеллигенции. Вст. ст.: В.Н. Иванов, Л.Р. Кулаковская. Предисловие П.В. Максимовой. Якутск: Бичик, 2012. С. 14–17.
15. Саха Сирэ. №№ 12, 13, 14 за апрель 2019 г.
16. Илин. № 1. 2018. С. 3–4.

References

1. Kulakovskii A. Iakutskoi intelligentsii [To the Yakut intelligentsia]. *Poliarnaia zvezda* [Polar star]. 1990, no. 5, pp. 89–107.
2. *Sibirskie voprosy* [Siberian questions]. 1910, 24 November, no. 42–43, p. 65.
3. *Sibirskie voprosy* [Siberian questions]. 1910, 30 November, no. 44, pp. 49–50.
4. Okoneshnikov E.I. *Iakutskii fenomen E.K. Pekarskogo* [The Yakut phenomenon of E.K. Pekarsky]. Yakutsk, 2008.
5. Koniaev N.A. *A.E. Kulakovskii*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2011.
6. *Sibirskie voprosy* [Siberian questions]. 1910, 28 April, no. 14–15, p. 92.
7. Armon V. *Pol'skie issledovateli kul'tury iakutov* [Polish researchers of Yakut culture]. Moscow: Maik «Nauka/Interperiodika» Publ., 2001, pp. 101–102.
8. Laskov I.A. Za chto A. Kulakovskii navodil napraslinu na E. Pekarskogo? [Why did A. Kulakovsky throw a joke on E. Pekarsky?]. *Polymia* [Flame]. 1989, no. 12, pp. 198–206. (In

Belorussian Lang. Russ. ed.: A. Barkovsky. "MK" in *Yakutia*, 2003, 25 June – 02 July, no. 26).

9. Emel'ianov N.V. *Pis'mo A.E. Kulakovskogo k E.K. Pekarskomu. K 85-letiiu so dnia rozhdeniia A.E.Kulakovskogo* [A letter from A.E. Kulakovsky to E.K. Pekarsky. On the 85th anniversary of the birth of A.E. Kulakovsky]. Yakutsk, 1964.

10. St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS (SPbF ARAN), Fund 202, Inv. 2, File 242, fols. 1–7.

11. Basharin G.P. *Tri iakutskikh realista-prosvetitelia. Vosproizv. izd-e 1944 g. Predislovie I. Spiridonova* [Three Yakut realist educators. Reproduced ed. 1944 Foreword by I. Spiridonov]. Yakutsk, 1994, p. 38.

12. Predislovie F.G. Safronova, S.I. Nikolaeva [Foreword by F.G. Safronov, S.I. Nikolaev.]. *Poliarnaia zvezda* [Polar star]. 1990, no. 5, pp. 89–107.

13. Kulakovskii A. *Iakutskoi intelligentsii. Predislovie G.P. Basharina* [To the Yakut intelligentsia. Foreword by G.P. Basharin]. Yakutsk: Iakutskoe kn. izd-vo Publ., 1992.

14. Kulakovskii A.E. *Iakutskoi intelligentsii. Vst. st.: V.N. Ivanov, L.R. Kulakovskaia. Predislovie P.V. Maksimovoi* [To the Yakut intelligentsia. Entry article: V.N. Ivanov, L.R. Kulakovskaya. Foreword by P.V. Maksimova]. Yakutsk: Bichik Publ., 2012, pp. 14–17.

15. *Sakha Sire*. 2019, April, no. 12,13,14.

16. *Ilin*. 2018, no. 1, pp. 3–4.